

Фестивальный портрет

И ДЫМ ОТЕЧЕСТВА...

ЗНАКОМОЕ лицо... Красивое, выразительное, чуть тронутое резцом времени. — Если бы я вас встретила на улице, то невольно бы сказала «здравствуйте», — говорю народному артисту СССР, лауреату Государственной премии СССР Владиславу Стрельчику. — И каждый йожкарониец узнал бы вас при встрече. Вы наш общий знакомый, а про знакомых хочется знать больше. Поэтому извините

заранее за дотошность. Задаю вопросы от имени многих ваших поклонников и почитателей в нашей республике. Вы проработали в Ленинградском Большом драматическом театре имени А. М. Горького 44 года. Завидное долголетие. — Был и перерыв: с 40-го по 46-й год. Война. Но вообще мне повезло. Алексей Дижий и Борис Бабочкин объявили в том 1938 году весенний набор в школу-студию при театре. Большие мастера сцены рассчитали, что тогда молодые актеры будут учиться чуть больше положенных четырех лет, а это очень важно. Я и до сих пор сторонник пятилетнего обучения в театральных вузах. И вот из тысяч желающих случай выбрал меня, и я был принят в студию. А потом через десять дней опять случай оказал мне услугу.

Борис Бабочкин ставил две пьесы, в которых нужны были мальчишки. Бабочкин вызвал меня и еще одного студийца, заставил делать этюды, а через несколько дней нам выдали книжки, где было написано — «артист вспомогательного состава». Тогда пришлось и работать, и учиться в студии, и кончать общеобразовательную школу. Борис Андреевич Бабочкин в 40-м году ушел из театра, но любимым учеником меня считал всю жизнь. И я его почитаю как учителя.

В Красной Армии попал в артиллерийский полк, помню: орудия были 152-миллиметровые на механической тяге. Подъемы, отбой, маршброски. Но, думаете, случай дремал? В полк прибыли служить сорок выпускников Ленинградской консерватории. Они организовали симфонический оркестр для выступления перед красноармейцами, и им понадобился ведущий. Вспомнили обо мне. И тут я пригодился! Тут еще в наши края приехал снимать кинофильм «Машенька» режиссер Юрий Райзман. Он пригласил меня на бессловесную роль, две недели я пробыл киноактером. Так и пошло: старший сержант — артист!

Началась война. Попадал в разные части, но воевал под Ленинградом. Иногда вырывался с фронта в блок

кадный город, навещался к родителям: живы ли... Почастливилось мне слышать в Ленинграде первое исполнение седьмой симфонии Шостаковича. В наступившей в зале темноте мы, фронтовики, зажгли фонарики, кто-то поднял зажженные свечи, за окнами грохотали взрывы, а музыка не смолкала...

— Как произошло ваше возвращение в театр?

— Под Кенигсбергом к нам приехал с концертом ансамбль песни и пляски Ленинградского военного округа, с ним я объездил многие части и из этого коллектива и демобилизовался в 1946 году. И снова — в свой театр.

— А ваша преподавательская деятельность? Она ведь тоже немало значит для вас?

— Четыре выпуска в этом качестве сделал в Ленинградском театральном институте. Первый мой курс — чечено-ингушская национальная студия. О, теперь многие из них народные и заслуженные артисты! Долгие годы связан с консерваторией, являюсь ее доцентом.

— Вижу на лацкане вашего пиджака депутатский значок...

— Третий созыв меня избирают депутатом Ленсовета.хлопотная, но очень для меня важная сторона жизни. Общественная работа занимает значительное место в ней. Ленинградские театры поддерживают тесные связи с заводами. Я, например, член бригады Анатолия Ануфриева на Ижорском заводе. Отчитываемся друг перед другом, соревнуемся! Это добрая дружба.

— Как получилось, что режиссеры кино разглядели у вас «голубую кровь»?

— Вы имеете в виду мои царские и генеральские ро-

ли? Кому-то пришлось в голову, что я похож на царя... С той поры я переиграл всех Романовых, кроме разве Павла, Елизаветы и Екатерины!

— А ваше театральное амплуа?

— Георгий Александрович Товстоногов, наш режиссер, считает, что актер должен играть все, бросаться из холодного в горячее, из трагедии в комедию. И мне по душе такая разноплановость. Мы сейчас начали готовить оперу Колкера по пьесе Сухова-Кобылина «Смерть Тарелкина». Да, именно оперу на сцене БДТ! Новая моя работа в пьесе английского драматурга П. Шеффера «Амадеус» — Сальери. Это еще одна версия сложных взаимоотношений великого Моцарта и Сальери. Моему Сальери в начале спектакля 73 года, тут же на сцене по ходу действия, так задумал Георгий Александрович, меня переодевают, гримируют — и уже Сальери тридцатитрехлетний. И так несколько раз! Очень интересная, сложная роль. Кто играет Моцарта? Молодой актер Юрий Демич.

В кино снялся в «Острове сокровищ». О чем мечтаю? Думаю о Коле Брюньоне, хочу сыграть трагедию Бетховена. Как мог слышать глухой человек свою гениальную музыку? Сумею ли я разрешить эту загадку природы...

— Вы уезжаете в Ленинград? Дела?

— Да, завтра у меня спектакль. Рад был участвовать в фестивале в вашей республике. Новые места, новые люди. Словом, дым отечества нам сладок и приятен!

Беседу вела
Е. БРАГИЛЕВСКАЯ.
Фото Б. Филова.